

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ДОМАШНИХ И ДИКИХ ЖИВОТНЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НОВГОРОДА И ТВЕРИ

Представляемая на суд читателя статья вызвана необходимостью подвести итоги десятилетних исследований автором костей домашних и диких животных из средневековых слоев (XI–XV вв.) Новгорода и Твери (Зиновьев, 2008. С. 87–90). Мы не планируем провести здесь исчерпывающее статистическое сравнение материалов. Наша задача – дать общую характеристику диких и домашних животных средневековых Новгорода и Твери, обратив внимание на явные различия в их наборе, конституции и характере использования. В процессе анализа мы пользуемся также материалами других исследователей, полный список работ которых содержится в наших предшествующих публикациях по теме.

Крупный рогатый скот. Костные останки этих животных наиболее многочисленны. Подавляющее большинство из них носит характер кухонных отходов и принадлежит бычкам до 2,5 лет, что в большинстве случаев затрудняет определение роста животных в холке. Однако по относительно немногим целым длинным трубчатым костям конечностей можно судить о среднем росте в холке животных обсуждаемых городов: для средневековой Твери он составляет 105–107 см (Зиновьев, 2009. С. 189–207; 2015а. С. 304–312; 2016а. С. 240–244), для Новгорода – 106–108 см (Зиновьев, 2009. С. 189–207; 2015а. С. 304–312). В сочетании с короткими рогами подавляющее большинство представителей крупного рогатого скота обсуждаемых городов может быть отнесено к мелкому типу *Bos taurus brachyceros*, распространенному в средневековье на территории лесной зоны Восточной Европы (Цалкин, 1954. С. 211–236; 1960. С. 100–126; 1971. С. 164–185). Кости крупного рогатого скота, чаще толсто-стенные метаподии, использовались в обоих городах в косторезном промысле. Благодаря большей болотистости почвы, в средневековом Новгороде кости крупного рогатого скота, преимущественно части голов, использовались в вымостке улиц, чего не зафиксировано для Твери (Яворская, 2013. С. 1179–1189; Яворская, Антипина, 2017. С. 358–366).

Свинья. Кости свиньи стоят на втором месте по количеству в обоих городах. Они так же, как и в случае с крупным рогатым скотом, чаще фрагментированы и представляют собой кухонные отбросы. Подавляющее большинство костей принадлежат самцам до 2 лет; реже встречаются кости более взрослых животных, обычно самок. Нередки фрагменты голов, достаточно мясных у свиней, чтобы служить основой для блюд (фаршированная свиная голова и т. п.) (Зиновьев, 2014. С. 86–94). Кухонные остатки костей кабана исключительно редки (но см.: Зиновьев, 2009. С. 189–207; 2012а. С. 307–313).

Мелкий рогатый скот. Кости козы и овцы среди исследованного материала занимают по числу третье место и имеют также следы кухонного характера. В случае хорошей сохранности и репрезентативности материала нами осуществлялась сегрегация костей между овцой и козой, некоторые кости которых по ряду морфологических признаков различаются. Преобладают останки молодых животных, правда, в случае коз количество останков взрослых животных (с приросшими эпифизами трубчатых костей) выше. Кости овец и коз в небольшой степени использовались для изготовления костяных предметов; чаще встречаются таранные кости со следами обработки или длительного использования (игра в бабки и т. п.).

Лошадь. Количественно кости лошади в обоих городах уступают костям свиньи и крупного рогатого скота и происходят преимущественно, от взрослых животных, чаще самцов. Основная масса поголовья лошадей в обоих городах состояла из малолетних (ниже средней высоты: 130–132 см в холке) полутонконогих лошадей (Зиновьев, 2015б. С. 326–330; 2016а. С. 240–244), что согласуется с ситуацией в средневековых Москве и Старой Рязани (Цалкин, 1955. С. 201–225; 1971. С. 164–175). Рослый крайнетонконогий конь из слоев XIII в. из Затьмацкого посада Твери, а также кость крупного среднего животного из слоев XIV в. Рогатицкого-II раскопа Великого Новгорода указывают на присутствие в средневековых городах небольшого количества

элитных животных (Зиновьев, 2015а. С. 304–312; 2016а. С. 240–244). Костные останки лошадей редко несут на себе следы кухонной обработки; чаще они встречаются на костях из Великого Новгорода (Maltby, 2017. Р. 2–4). Чаще, как обладающие более толстостенной в сравнении с костями крупного рогатого скота компактой, они использовались в косторезном промысле. Лошадиные метаподии использовались после незначительных доработок в качестве коньков, число которых преобладает в окруженном большим количеством водоемов Новгороде. Нередки следы патологических изменений на костях возрастных животных, особенно это касается анкилоза грудных и поясничных позвонков – результата использования животных для верховой езды.

Собаки. Нередко представлены фрагментами целых и даже целыми скелетами. Основная масса останков принадлежит некрупным среднеразмерным мезоцефальным собакам легкого и среднего веса с высотой в холке от 40 до 50 см (Зиновьев, 2010. С. 177–196; Zinoviev, 2012а. Р. 152–157; 2012b. Р. 145–157). Кости несут следы заживших травм, среди которых преобладают переломы ребер и травмы костей лицевой части черепа. В Новгороде отмечено небольшое количество костей мелких и крупных собак, что может указывать на присутствие здесь в средние века некоторого количества специализированных, возможно, даже импортных породистых животных. Следы разделки на части собачьих костей из обоих городов указывают как на их спорадичное употребление в пищу в голодные годы, так и на использование тушек собак в иных целях (шкура и т. п.).

Кошки. Животные средневековых Новгорода и Твери представлены «классическими» слегка долихоцефальными формами, отличающимися меньшими размерами в сравнении с современными домашними кошками (Зиновьев, 2017. С. 201–210; Zinoviev, 2018а. Р. 109–119). Средняя высота их в холке колебалась вокруг 26 см. Следы воздействия на костях говорят о возможности употребления кошек в пищу в голодные годы, а также использования в каких-то целях их шкур. Интересен случай находки сравнительно большого количества костей молодых кошек близ места передержки охотничьих птиц на Торговой стороне Великого Новгорода (Зиновьев, 2015а. С. 304–312; Zinoviev, 2016а. Р. 63–68; 2018b. Р. 1251–1270). Присутствие немногих костей от крупных кошек на Рогатицком-II раскопе Великого

Новгорода может указывать на доставку туда дикого лесного kota или присутствие единичных крупных особей, например, кастратов. Характер костных останков кошек указывает на редкость погребения их трупов после смерти.

Другие млекопитающие. Останки 17 видов охотничьих млекопитающих найдены в слоях средневекового Новгорода Великого и 14 видов – в слоях средневековой Твери (Зиновьев, 2014. С. 189–207; 2018. С. 37–38). Набор охотничьих животных для обоих городов сходен; сходен и характер их использования. Копытные (лось, косуля, северный олень, очень редко кабан) и заяц употреблялись в пищу, а кости, главным образом рога и метаподии оленьих, использовались в косторезном промысле. В небольшом количестве присутствуют кости скелета пушных животных, использовавшихся, кроме лисы, также в пищу (бобр, барсук, медведь). Кости медведя и волка в Твери приурочены к территории Кремля (Зиновьев, 2016b. Вып. 30. С. 226–231). Останки мелких пушных куных (хорь, ласка, горностай, норка), нередко живущих в поселениях человека, оказываются здесь также после естественной гибели животных. Чаще от пушных животных встречаются дистальные кости конечностей, сохранившихся на доставляемых в города шкурках. Останки бобра пропадают из слоев обоих городов после перепромысла зверя к концу XV в. (Zinoviev, Korablev, 2017. Р. 305–311). Для Новгорода отмечены случаи мясной разделки тушек бобра (Maltby, 2017. Р. 4–5). Кости мышевидных грызунов в силу их небольших размеров и хрупкости редко попадают в сборы. Для отложений обоих городов отмечены кости крысы (Maltby, Hamilton-Dyer, 2001. Р. 119–126), причем для Твери это, скорее всего, черная крыса (наши данные).

Птицы. В обоих городах преобладают кости кур меньшего размера, чем в среднем современные породы. Гусь (домашний и дикий) занимает второе место (Зиновьев, 2009. С. 189–207; 2016b. С. 226–231). Утки (дикие и домашние) находятся на третьем месте. Следует, однако, отметить, что утиные кости многочисленнее в отложениях Великого Новгорода, особенно в ранних слоях (Maltby, Hamilton-Dyer, 2001. Р. 189–207). Большие площади водно-болотных угодий близ Новгорода обеспечивали более обширные охоты на водоплавающую дичь, чем в окрестностях Твери. С этим же связано и большее количество в отложениях этого города костей других связанных с водно-болотными угодьями птиц –

лебеда, чомги, баклана. И если первый являлся объектом охоты, то чомга и баклан изредка попадали в рыболовные сети и, судя по следам на костях, употреблялись в пищу. Особое место занимают кости боровой дичи, глухаря, тетерева, рябчика. Они преобладают в отложениях, связанных с Кремлем в Твери и Торговой стороной в Новгороде. В обоих местах найдены также кости ловчих видов птиц (сапсан, ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник), их корма (сизый голубь) и притравы (ворон, серая ворона, филин, домовый сыч, серая цапля). Это указывает на наличие в средние века в Твери и Великом Новгороде, как минимум, мест переделки и тренировки ловчих птиц, что подтверждается присутствием соответствующего инвентаря (Zinoviev, 2016a. P. 63–68; 2017. P. 171–174; 2018b. P. 1251–1270). Находки костей орлана-белохвоста с прирезами в Великом Новгороде могут быть связаны с изготовлением оперения стрел (Zinoviev, 2012b. С. 26–31). Изредка встречаются кости других, помимо упомянутых сизого голубя, ворона и серой вороны, синантропных видов, таких как скворец и галка. Интересна находка в 2018 г. на территории Савватьевой Пустыни в окрестностях Твери среди кухонных отходов лопаточной кости черного дятла (наши данные).

Рыбы. Из 25 видов рыб, отмеченных для Великого Новгорода и Твери, абсолютно преобладают кости судака, леща и щуки (Тарасов, 2001. С. 126–127; Zinoviev, 2009. С. 189–207). Подчиненное к ним положение занимают окунь, жерех, сом, стерлядь и налим. Большое видовое разнообразие и количество костей из слоев средневе-

кового Новгорода Великого связано как с обилием прилежащих к городу водоемов, так и с мощностью сырого слоя. В Твери наблюдается различие в количестве разных видов рыб, извлеченных из слоев Кремля и посадов. В Кремле наблюдается крен в сторону костей вылавливаемых в Волге осетровых рыб – стерляди, севрюги и белуги. Последняя подчас достигала исполинских размеров в 5–6 м (Zinoviev, 2016b. С. 226–231). Это же касается территорий монастырей, где осетровые, правда, менее массивны (наши данные). Редкость костей налима в слоях Великого Новгорода связана с особенностями его промысла и преимущественной транспортировкой в город печени этой рыбы (Zinoviev, 2013. С. 229–232). Существует тенденция к уменьшению с течением времени размеров вылавливаемой рыбы из-за измельчения стада в результате интенсивного промысла (Сычевская, 1965. С. 236–256).

Заключение. Несмотря на численное превосходство и лучшую сохранность костей животных из средневековых слоев Великого Новгорода, состав и общий характер останков животных из двух городов сходны. Основные отличия связаны с большей площадью водно-болотных угодий близ Новгорода, с одной стороны, и лучшей изученностью костей животных из средневековых отложений Тверского Кремля, с другой.

Благодарности. Мы благодарны всем коллегам, которые материалами и советами на протяжении десяти лет помогали нам в увлекательном путешествии в мир животных средневековых Новгорода Великого и Твери.

Zinoviev, 2008 – Zinoviev A.V. Об археологической находке отрубленных лошадиных хвостов в центре города Твери // Вестник Тверского государственного университета. 2008 (Серия: Биология и экология; Т. 20 (80). № 8. С. 87–90.

Zinoviev, 2009 – Zinoviev A.V. Обзор археозоологического материала, полученного из раскопа «Десятинный-1» в Великом Новгороде в 2008 году // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2009. Вып. 23. С. 189–207.

Zinoviev, 2010 – Zinoviev A.V. Собаки средневекового Новгорода (X–XIV вв.): По материалам Троицкого и Десятинного раскопов // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2010. Вып. 24. С. 177–196.

Zinoviev, 2012a – Zinoviev A.V. К проблеме идентификации костных остатков кабана (*Sus scrofa*) из средневековых слоев Новгорода Великого // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2012. Вып. 26. С. 307–313.

Zinoviev, 2012b – Zinoviev A.V. Орлан-белохвост: история взаимодействия с человеком в Евразии (по археозоологическим материалам) // Тр. VI Междунар. конф. по соколообразным и совам Северной Евразии «Хищные птицы в динамической среде третьего тысячелетия: состояние и перспективы». Криворожский педагогический институт. Кривой Рог, 2012. С. 26–31.

Zinoviev, 2013 – Zinoviev A.V. О редкости костей налима (*Lota lota*) в археозоологических материалах древнего Новгорода // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2013. Вып. 27. С. 229–232.

- Зиновьев, 2014* – *Зиновьев А.В.* Охотничьи виды млекопитающих средневекового Новгорода Великого (по археозоологическим данным) // Вестник Тверского государственного университета. Тверь, 2014 (Серия: Биология и экология; Т. 4). С. 86–94.
- Зиновьев, 2015а* – *Зиновьев А.В.* Обзор остеологического материала из раскопа Рогатицкий-II 2014 г. (ул. Б. Московская, 30) // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2015. Вып. 29. С. 304–312.
- Зиновьев, 2015б* – *Зиновьев А.В.* Обзор конституционных особенностей крупного рогатого скота и лошадей из средневековых слоев г. Твери // ТАС. Тверь, 2015. Вып. 10. Т. 2. С. 326–330.
- Зиновьев, 2016а* – *Зиновьев А.В.* Крупный рогатый скот и лошади средневековой Твери (XII–XVI вв.) // АИППЗ. М.; Псков; СПб., 2016. Вып. 30: Материалы 60-го заседания семинара им. акад. В.В. Седова. С. 240–244.
- Зиновьев, 2016б* – *Зиновьев А.В.* Обзор остеологического материала из раскопок в Тверском кремле (стадион «Химик») в 2013 году // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2016б. Вып. 30. С. 226–231.
- Зиновьев, 2017* – *Зиновьев А.В.* Опыт изучения кошек средневековых Новгорода и Твери (X–XIV вв.) // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2017. Вып. 31. С. 201–210.
- Зиновьев, 2018* – *Зиновьев А.В.* Охотничьи виды млекопитающих средневекового Новгорода Великого: взгляд зооархеолога // VII Междунар. симпозиум «Динамика популяций охотничьих животных Северной Европы»: Тез. докл. (Петрозаводск, 24–28 сентября 2018). Петрозаводск, 2018. С. 37–38.
- Сычевская, 1965* – *Сычевская Е.К.* Рыбы древнего Новгорода // СА. 1965. № 1. С. 236–256.
- Тарасов, 2001* – *Тарасов И.И.* Результаты определения видового состава рыб из раскопок на поселении Новые Дубовики в 1998 г. // Староладожский сборник. Старая Ладога, 2001. Т. 4. С. 126–127.
- Цалкин, 1954* – *Цалкин В.И.* Фауна из раскопок в Гродно // *Н.Н. Воронин.* Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). М.; Л., 1954 (МИА; № 41 / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов: Т. III). С. 211–236.
- Цалкин, 1955* – *Цалкин В.И.* Домашние и дикие животные Старой Рязани: По материалам раскопок 1946–1950 гг. // *А.Л. Монгайт.* Старая Рязань. М.; Л., 1955 (МИА; № 49 / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов: Т. IV). С. 201–225.
- Цалкин, 1960* – *Цалкин В.И.* Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень МОИП. М., 1960 (Отдел биологический; Т. 65). № 1. С. 100–126.
- Цалкин, 1971* – *Цалкин В.И.* Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского Кремля. М., 1971 (МИА; № 167 / Материалы и исследования по археологии Москвы: Т. IV). С. 164–185.
- Яворская, 2013* – *Яворская Л.В.* «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал, 2013. Т. 92. № 9. С. 1179–1189.
- Яворская, Антипина, 2017* – *Яворская Л.В., Антипина Е.Е.* Археозоологические исследования средневекового города: контексты и интерпретации // АИППЗ. М.; Псков, 2017. Вып. 32: Материалы 62-го заседания семинара им. акад. В.В. Седова. С. 358–366.
- Maltby, 2017* – *Maltby M.* Horseflesh and beaver pelts: aspects of faunal studies in Medieval Novgorod and its region // *Animaltown: Beasts in Medieval Urban Space.* Oxford, 2017 (BAR Series). P. 1–11.
- Maltby, Hamilton-Dyer, 2001* – *Maltby M., Hamilton-Dyer S.* Animal bone studies in Novgorod and its hinterlands // *Novgorod: The archaeology of a medieval Russian city and its hinterland.* London, 2001. Vol. 141. P. 119–126.
- Zinoviev, 2012a* – *Zinoviev A.V.* Of friends and food: Dogs in the medieval Novgorod the Great // *Archaeologia Baltica.* Klaipėda, 2012. Vol. 17. P. 152–157.
- Zinoviev, 2012b* – *Zinoviev A.V.* Study of the medieval dogs from Novgorod, Russia (X–XIV century) // *International Journal of Osteoarchaeology.* Toronto, 2012. Vol. 22. № 2. P. 145–157.
- Zinoviev, 2016a* – *Zinoviev A.V.* Early falconry in Russia: Recent finds in Novgorod the Great and Tver // *Falconry – its influence on biodiversity and cultural heritage in Poland and across Europe.* Suprasl (Poland) / ed. U. Szymak, P. Sianko. Białystok, 2016. P. 63–68.
- Zinoviev, 2017* – *Zinoviev A.V.* Leather straps with avian tarsometatarsi from the medieval Russia: Jesses or amulets? // *Environmental Archaeology.* 2017. Vol. 22. № 2. P. 171–174.

Zinoviev, 2018a – Zinoviev A.V. Study of the medieval domestic cats from Novgorod with reference to cats from medieval Tver (Russia) (10–14 cent.) // International Journal of Osteoarchaeology. Toronto, 2018. Vol. 28. № 2. P. 109–119.

Zinoviev, 2018b – Zinoviev A.V. Early falconry in Russia // Raptor and human: falconry and bird symbolism throughout the millennia on a global scale. Advanced studies on the archaeology and history of hunting. Hamburg, 2018. Vol. 1.3. P. 1251–1270.

Zinoviev, Korablev, 2017 – Zinoviev A.V., Korablev N.P. Comparative craniometry of a young Eurasian Beaver (*Castor fiber* L.) from the Medieval Novgorod the Great (Russia) – A case study // International Journal of Osteoarchaeology. Toronto, 2017. Vol. 27. № 2. P. 305–311.

Ю. Н. Бузыкина, К. В. Трубицын

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ КОНСКОГО ДОСПЕХА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Одна из самых сложных тем, связанных с тяжелооруженной русской конницей – это использование конского доспеха¹.

Защита коня известна у многих народов. В Западной Европе конский доспех был широко распространен в позднее Средневековье. Многочисленные свидетельства существования конского доспеха отмечены у кочевников Великой Степи².

Тема существования конского доспеха на Руси неоднократно затрагивалась в литературе (см.: Кирпичников, Черненко, 1968; Кирпичников, 1973;

Горелик, 1983, 1998). Достоверных археологических свидетельств наличия конского доспеха на Руси не существует, хотя редкие упоминания и изображения их имеются. Это дает повод некоторым исследователям делать вывод о существовании на Руси в Средневековье конского доспеха, который в дальнейшем был перенесен в популярную литературу (см.: Алексинский и др., 2005. С. 339; Тараторин, 1999. С. 247–251). Попробуем проанализировать эти свидетельства.

Одним из самых известных является упоминание конской защиты в Ипатьевской летописи – «Данила же приде к нему исполчи вся люди свое Немьци же дивящися оружью Татарьскомуу беша бо кони в личинахъ и в коярехъ кожанныхъ и людье во ярьщехъ и бе полковъ его светлость велика от оружья блистающася самъ же еха подле короля по обычаю Роускою...» (Ипатьевская летопись, 1998, Т. 2, Стб. 814 – в статье под 6760/1252 г.). По мнению М.В. Горелика, данное описание говорит о татарском происхождении защитного вооружения дружины Даниила Галицкого (Горелик, 2002. С. 24).

Из всех обнаруженных при археологических раскопках предметов конского снаряжения к доспеху можно отнести лишь один – это конская боевая маска, найденная вблизи с. Ромашки в Киевском Поросье (Рис. 1) (Кирпичников, 1973. С. 30). Маска датируется 1200–1240 гг. Весьма вероятно, что эта маска происходит из кочевнической, черноклобучкой, могилы Киевского Поросья. А.Н. Кирпичников и Е.В. Черненко не исключали того факта, что

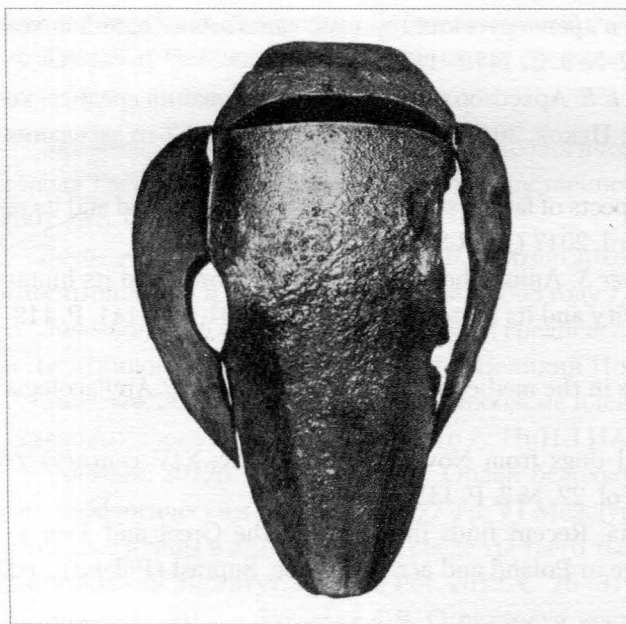

Рис. 1. Конская боевая маска, найденная вблизи с. Ромашки (Кирпичников, 1973)